

Эдвиг Арзунян

Призывы со двора

В послевоенной Одессе живы были еще некоторые обычаи периода оккупации города (1941-1944 гг.). В частности – призыв со двора различных «бродячих работников».

Молочница. В сельского типа окраинах города некоторые хозяйки держали корову – и утром, выдоив ее, хозяйка с бидоном молока приезжала в облюбованный ею когда-то квартал центральной части города. Заходила в каждый двор и кричала:

– Молоко! Молоко!..

Эту молочницу все тут знали, качеству ее молока доверяли – и местные домохозяйки охотно покупали у нее натуральное свежее, чуть ли не парное еще молоко; к тому же – не разбавленное водой, как в тогдашних советских магазинах, и без всяческих якобы улучшающих добавок, как это принято в наши дни тут в Нью-Йорке, в котором я сейчас живу. К тому же это молоко – не помню уж, но скорей всего, было дешевле, чем в магазинах, так как не обростало никакими накладными расходами (плата за помещение, зарплата продавщицы и т. п.).

Пильщик-рубщик. Они заходили во дворы и кричали:

– Пилить! Рубить!

Их нанимали семьи позажиточнее и женщины без мужчин.

Наша же семья к особо зажиточным не относилась, и пока я не подрос, пилкой-рубкой во дворе занимался по выходным дням папа. А лет с тринадцати эту обязанность стал выполнять в основном я, гордясь этим явным доказательством моей почти созревшей уже *мужщинности*.

Да и после многочасовых сидений – за партой в школе, за фортепиано в музшколе, а потом еще за письменным столом и опять за фортепиано дома – мне было приятно наконец-то разогнуть-раскрепостить тело и физически натрудить руки. И нравилось чувствовать после пилки-рубки *крепатуру* в мышцах тела, которая как бы подтверждала то, что я становлюсь все сильнее.

Старьевещик. По словарям правильно – «старьёвщик», видимо, от слова «старьё». Но мы, одесситы, говорили «старьевещик», то есть говорили именно так, как слышали от самих этих работников, которые так ведь и кричали во дворе, одним словом:

– Старивещи!.. Старивещи!.. Старивещи покупаем, продаем!..

Не знаю, может быть, «старьевщик» – это просто ошибка лексикографов? Такие ошибки я иногда находил в словарях. Или от обидного для меня, филолога-одессита, пренебрежения столичных, московских лексикографов к провинциальному, как они считали, говору; а на деле, как я считаю, – от их пренебрежения ко всему южнорусскому диалекту: от Одессы на западе и до Краснодара на востоке.

Старьевещик – именно так, по-одесски! – это был как бы «комиссионный магазин на ногах».

Большинству трудящихся трудно было найти время, чтобы отнести не употребляемые ими вещи в комиссионный магазин, а тут пожалуйста – «комиссионный магазин» сам приходит к ним во двор. И не надо ждать много дней, когда магазин продаст твою вещь, – договоренные деньги получаешь сразу же, сдав ее старьевещику, никакой бюрократии!

Да и тут же можно купить у старьевещика что-нибудь подходящее: во-первых, дешевле, чем в комиссионном магазине, а во-вторых, за те же десять минут, так сказать, с доставкой на дом.

Можно даже сделать предварительный заказ старьевещику (а в комиссионных магазинах не существовало сервиса предварительных заказов). Например, так:

– Если у вас будет итальянский макинтош моего размера, какого-нибудь темного цвета...

– Конечно, – охотно отзывался старьевещик, – давайте я на всякий случай запишу номер вашей квартиры.

...Ну кто еще?

Стекольщик. С тележкой, в которой он возит стекла, проложенные тканью, – чтобы не разбились на ухабах дороги.

– Стекла вставляем! Стекла вставляем!

Точильщик. С маленьким переносным точильным станком, в котором диск наждака вращался ручкой:

– Ножи точим! Ножницы точим!

Паяльщик. С разогреваемым на спиртовке паяльником.

– Паять, починять – ведра, кастрюли, чайники!

Шарманщик. Звукозапись эволюционировала так: шарманка → фонограф → граммофон → патефон → магнитофон → компьютер... А 40-е годы – это была еще эпоха патефона.

Тем не менее – может быть, ради экзотики – по дворам ходил шарманщик со своей антикварной, несколько проржавевшей шарманкой. Он клал на землю шапку, внутренней стороной вверх; крутил ручкой свою простенькую музыку – и в результате получал иногда в шапку свой скромный гонорар.

Кукольник.

– Собирайтесь, дети! К вам пришел кукольный театр!..

На дворовом столе он расставлял складной театр марионеток.

Чревовещатель.

– Слушайте все, к вам пришел Петрушка, он умеет говорить!

И кукольный Петрушка на его руке говорил, а он как бы молчал – во всяком случае его рот выглядел неподвижным.

Библиотекарь. В отличие от всех предыдущих «бродячих работников», этот допотопный старик-книжник не афишировал во дворах свою работу: книги советская власть относила к области идеологии – любая книга, не одобренная цензурой, считалась антисоветской; и соответственно кустарщина в этой области пресекалась, видимо, строже, чем в других областях. А клиентура у этого старика-библиотекаря формировалась по принципу личных рекомендаций: от одного клиента-читателя к другому клиенту-читателю.

Дома у старика-книжника имелась богатая библиотека старых изданий, многие из которых давно были изъяты из советских библиотек. За двухнедельное чтение книги он брал какую-то мелочь вроде стоимости пирожка с горохом на улице. Старика, видимо, хватало и этого – зато он был при деле, общался с интеллигентной читающей публикой.

...В общем, всех разновидностей «бродящих работников» и не упомнишь.

По советской терминологии, все они относились к категории кустарей. На советских производствах не работали, налогов не платили; никаких официальных разрешений на их промысел у них не было – да и не могло быть, так как советская власть кустарщину не поощряла.

Они процветали при ленинском нэпе – а потом при Сталине их задавили налогами и ликвидировали. А во время оккупации, при румынах в Одессе, они возродились. И в первое время после возвращения в Одессу советской власти у этой власти до них просто не доходили руки. Но через год-два руки дошли – и кустарщина опять была задавлена и ликвидирована: штрафами и арестами.

От соблазна легкими заработками население ориентировали теперь на другое: на низкооплачиваемую работу на советских предприятиях. Тоталитарный режим задавливал любое частное предпринимательство, даже самое мелкое и невинное; все обязаны были служить Молоху сталинского социализма.

А дворовая жизнь из-за этого стала, увы, гораздо менее колоритной.

